

Вел. Москва. - 2001. - 12 сент. с. 5.

КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ

ЕВГЕНИЯ

КРЫЛАТОВА

дачкой. Вот она и стала заниматься со мной и Немтиным. Приезжала на занятия рано — к семи утра. А надо сказать, что Мотовилиха и Пермь были двумя контрастными мирами. Пермь — это опера, балет, симфонические вечера, выставки. Короче — цивилизация. Мотовилиха — по ко- с и в- ш и е с я

вич Альфред Шнитке. Он был самыми знающим и подготовленным среди нас, все экзамены сдавал на пять, а мы — на тройки, хорошо если на четверки. Особенно плотно завалились на письменных работах. Пошли к Свешникову: «Забираем документы!» (можно было еще успеть на экзамены в Горьковскую или Саратовскую консерватории). Свешников: «Ни в коем случае! Передавайте!» Поднатужились... И получили проходные баллы. Так я попал в Московскую консерваторию. Мечтал о классе Хачатуряна, но меня направили к Михаилу Ивановичу Чулаки. Средний композитор, но прекрасный человек. Просто отец родной! Мне, скажем, нужно было прописаться. Нашел местечко в Подмоскowie, где меня согласились прописать, но нужно было «дать». А откуда у бедного студента тысяча рублей? Иду к Чулаки. Он ведь тоже не миллионер, но через пару дней протягивает деньги: «Отдашь, когда сможешь!»

другое — легкое, прозрачное, простое. Как у Таривердиева. Больше меня на «Мосфильм» не приглашали. Правда, я вскоре проник на Студию имени Горького.

— Тебя многие считают «детским» автором. Особенно после фильма «Приключения Электроника» и песни «Крылатые качели». Не обидно?

— Нет! Я эти песни не считаю «детскими». Это скорее песни о детстве. Кстати, песня называлась просто «Качели». Но дети в письмах на телевидение дружно ее переименовали. И я с этим согласился.

Песни Сыроежкина в «Приключениях Электроника» исполнила Лена Камбурова. Правда, пела она «под мальчишку», как бы «от имени Сыроежкина» — в фильме был нужен не просто детский тембр, но определенный характер. Камбурова прекрасно «сыграла» эти песни. А вот голос под «Крылатые качели» искали чуть не два месяца. Совершенно измучились, перебирая десятки мальчиков, пока... случайно не открыли 17-летнюю Лену Шуленкову из детского хора Большого театра — у нее оказался именно тот тембр и характер голоса, который был нам нужен.

— Женя, ты подаешь уличным музыкантам?

— Всегда — ведь это коллеги! И внимательно прислушиваюсь к той музыке, которую они исполняют в переходах. Часто это классические мелодии. Или песни советских авторов. Темы Нино Рота из «Крестного отца», популярный вальс Евгения Доги, музыка Георгия Свиридова из «Метели». А недели две назад услышал впервые... себя. Девушка-флейтистка играла в метро мелодию моей песни «Прекрасное далеко». Я постоял, послушал... Конечно, не назвал себя. Просто положил в футляр купюру и ушел.

Любопытное явление: мода на старые советские песни возвращается. Хренников, Саульский, Лепин, Бабаджанян, Мокроусов, Фельдман... В этом же ряду — творчество моего старого друга и однокурсника по консерватории Евгения Крылатова. Мелодией, принесшей автору 30 лет назад всенародную известность, стала «Песенка о шпаге» из фильма «Достояние республики» («Вжик, вжик — кто на новенького?»), блестяще исполненная Андреем Мироновым. В содружестве с Ахмадулиной был написан «Романс», с Дербеневым — «Три белых коня» и все песни из фильма «Чародеи», с Пляцковским — «Все сбывается на свете», с Евтушенко — «Ольховая сережка», с Энтиным — «Лесной олень», «Прекрасное далеко», «Крылатые качели»... Песни Крылатова исполняли все — от Градского до Кобзона, от Камбуровой до Толкуновой...

Аркадий ПЕТРОВ

— Женя, ты ведь композитор, по нынешним меркам, даже не среднего, а старшего поколения. Как ты вписался в день сегодняшний?

— Я хорошо помню ситуацию примерно 1990 года — и меня, и многих других композиторов охватила растерянность. Это было тяжелое время — все, что я делал, вдруг показалось устаревшим и ненужным. Сейчас ситуация изменилась: я снова почувствовал себя востребованным. Работаю вместе с совсем молодыми людьми. Например, пишу музыку для сериала, посвященного истории развития российского газового комплекса. Это история освоения сибирского Севера. Моему режиссеру всего 30 лет, но мы прекрасно понимаем друг друга. Мои песни часто звучат в новых рок- или поп-версиях. Я вижу, что гармонии порой неправильные, иногда и какие-то строчки текста перевернуты. Ну и что? Я все равно рад: песни живут!

— Откуда ты родом? Как стал композитором?

— Я с Урала. Родился в 1934 году в простой семье. В городе Лысьва Пермской области. Там был знаменитый Лысьвенский металлургический завод, где мой дед работал сталеваром. А прадед пел в церкви, на клиросе. На Урале это слово произносят «крылос» или «крылас». Так что фамилия наша была Крыласовы. Это уж потом, перебравшись в Моск-

ву, я подправил одну букву. Хотя сейчас горжусь, что моя фамилия происходит именно от церковного «клироса». Вижу в этом, если угодно, некую знаковую. Родители — рабочие. Но с музыкальным талантом. Мама пела народные песни, отец на первые же заработанные деньги купил музыкальный инструмент. Угадай — какой?

— Балаалайку?

— Скрипку! Да еще немецкой работы — с резной львиной головой. Потом мы переехали в Мотовилиху под Пермью. Жили в рабочем поселке. Я все время прилипал ухом к черной радиотарелке, оттуда звучало нечто восхитительное. Рояля не было — играл по нарисованной на бумаге клавиатуре. Сочинять стал в 8 лет.

В соседнем бараке жил мой приятель, интересовавшийся музыкой, — Саша Немтин (в 70-х годах прославился тем, что завершил неоконченную партитуру Скрябина «Предварительное действие»). Вместе мы закончили детскую музыкальную школу. А потом стали учениками удивительной женщины — Ирины Петровны Гладковой. Она приехала из Одессы, была пианисткой и композитором. У нее были муж и дети, а вот квартиры ей не дали — поселили в подвале. Ирина Петровна вела у нас гармонию, сольфеджио, историю музыки, класс фортепиано. Знала наизусть всю фортепианную литературу. С мефшанской точки зрения была чу-

бараки, хулиганье на улицах. Чтобы доехать до нас на трамвае, требовалось слыше часа. Так что вставала Ирина Петровна в пять утра. Причем когда моя мама заикнулась об оплате, Ирина Петровна отказалась наотрез. Спросила, сколько нам лет. Мне было 16 («С вами, Женя, буду на вы. А тебе, Саша, 14 — с тобой буду на ты!») И вот каждое утро, в семь, мама меня будит: «Вставай, Ирина Петровна уже здесь!»...

— И ты никогда не «отвлекался» от музыки?

— Увлёкся как-то баскетболом и музыкой стал манкировать. Ирина Петровна сказала тогда: «За вашу дальнейшую музыкальную карьеру снимаю с себя всякую ответственность!» Повернулась и ушла. Я и сейчас, полвека спустя, стораю от стыда...

Другим судьбоносным человеком стал для меня Николай Александрович Митрополон — директор музучилища. Он послал нас с Сашей Немтиным в Москву на смотр сочинений молодых композиторов. К этому времени я был автором струнного трио, романсов. Показал все это и получил (как и Немтин) рекомендацию в консерваторию за подписью профессора Шапорина. Через полгода явились на экзамены. На композиторское отделение принято было тогда примерно десять человек: три-четыре иностранца, я, Саша, Эдик Лазарев из Свердловска, Алемдар Караманов из Симферополя и моск-

— Ты стал довольно скоро известен по детскому балету «Цветик-семицветик», который был поставлен в Большом театре. А еще больше — по легкой музыке, песням. Но ведь в консерватории ничему подобному не учили.

— Пришлось до всего доходить самому. Ни Поля Мориа, ни Джеймса Лафта еще не слышал. «Эстраду» изобретал сам: принес несколько пьес Юрию Силантьеву — и он все это, слегка подредактировав, сыграл. Стал писать музыку к театральным спектаклям. Потом получил заказ с «Мосфильма» — на музыку к двухсерийному телефильму «Жизнь сначала» с Тениным и Сухаревской. И вот здесь с треском провалился! Решил использовать все, чему научился в консерватории. Написал что-то помпезное — четыре валторны играли ратрубамы вверх, как у Вагнера. И все мимо! Нужно было что-то

«Как-то я увлекся баскетболом и музыкой стал манкировать». № 7 — Евгений Крылатов. 1950

Крылатов Евгений (исполнитель)

12.09.07 81